

Д. Ю. Арапов

(доктор ист. наук, профессор кафедры истории России до начала XIX в.
исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)*

ИСЛАМ В ПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

Статья посвящена анализу политики Петра I в отношении ислама и мусульман России. Исследуются законодательные акты, регулирующие положение отечественного «мусульманства». Рассматривается деятельность антиисламской публицистики, которая всячески поощрялась основателем Российской империи. Подчеркивается, что политика Петра I и его ближайших преемников на русском троне по отношению к исламу носила достаточно жесткий характер. Ситуация изменилась лишь во второй половине XVIII в. с началом проведения Екатериной II политики религиозной толерантности.

Ключевые слова: Петр I, ислам, мусульмане России, Соборное уложение, антиисламская публицистика, перевод Корана, Д. Кантемир, Кутлуг-Мухаммед Тевкелев, Екатерина II.

The article deals with the policy of Peter I towards Islam and Muslims in Russia. The author analyzes legislative acts regulating the status of 'Russian Islam' and studies the activity of anti-Islam political publications, which was widely encouraged by the founder of the Russian empire. The article emphasizes the fact that the policy towards Islam of Peter I and his successors on the throne was rather tough. The situation changed only in the second half of the XVIII century when Catherine II launched the policy of religious tolerance.

Key words: Peter I, Islam, Muslims in Russia, the Sobornoye Ulozheniye, anti-Islam journalism, Koran's translation, D. Kantemir, Kutlug-Mohammed Tevkelev, Catherine II.

* * *

Конфессиональная политика Петра I строилась на основе его представлений о главной задаче своей деятельности — всемерном упрочении и укреплении Российского государства. Основатель империи Романовых оценивал религию как одно из условий «общественного благополучия», а религиозные учреждения и их служителей — прежде всего как орудие «нравственного воспитания» и одновременно поддержания «порядка» среди своих подданных. Следует подчеркнуть, что воззрения Петра Великого на роль конфессиональных институтов в жизни страны оказались близки взглядам его наиболее достойной преемницы на русском троне Екатерины Великой. Они оба с неодобрением воспринимали «невежество» и «фанатизм», встречавшиеся в среде духовных лиц всех вероисповеданий, критически относились к монашеству и отшель-

* Арапов Дмитрий Юрьевич, тел. (499) 254-99-62; e-mail: hiztoricbetzy777@yandex.ru

ничеству. Петр I (как позднее и Екатерина II) был твердо убежден в том, что религиозные структуры всех конфессий империи должны беспрекословно подчиняться государству, все их служители сверху донизу обязаны быть прежде всего верными помощниками светской власти, высшим приоритетом в их деятельности должно являться служение «державным интересам». Подобные требования Петр предъявлял к служителям главной государственной религии русской монархии — официальному православию¹. Этого же в принципе он хотел добиться и от институтов других действовавших на территории страны религий, хотя в каждом конкретном случае подходы его к тем или иным вероисповеданиям и отправлению их культов заметно разнились.

В историографии последнего времени прозвучало мнение, что для России в период петровского царствования были характерны «веротерпимость и даже в какой-то степени принцип относительной свободы совести»². Нам представляется данное утверждение достаточно спорным и не раскрывающим полностью суть отношения Петра I к неправославным, особенно нехристианским религиям.

Из неправославных религий³ наиболее толерантно Петр I подходил к различным направлениям протестантизма (лютеранство, кальвинизм и др.). Еще в молодые годы царь познакомился с протестантскими течениями в московской Немецкой слободе и в целом всячески им покровительствовал. Этому во многом способствовало то, что протестантами, прежде всего лютеранами, являлось большинство петровских соратников-«иноверцев». Петр I поощрял строительство лютеранских церквей в различных городах России, в том числе в новой столице монархии — Санкт-Петербурге⁴. По условиям Ништадтского мира 1721 г. населению присоединяемых к России бывших шведских владений в Прибалтике было гарантировано сохранение всех обрядов преобладающей в их среде «евангелической веры»⁵.

Более сдержанно, с заметной осторожностью Петр I воспринимал католицизм и его приверженцев. Немалую роль в защите интересов католицизма в России сыграл близкий к царю в конце XVII в. генерал П. Гордон. В конечном счете Петр I пошел на провозглашение основополагающего принципа государственного поведения по отношению к Римско-католической церкви на терри-

¹ См.: *Гаврилов А.В.* Православная церковь на территории Латвии в XVIII — начале XIX вв. // Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 211—214.

² Законодательство Петра I. М., 1997. С. 532.

³ Особой темой, требующей специального рассмотрения, является политика Петра I по отношению к старообрядцам.

⁴ См.: *Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г.* Мировые религии. М., 1998. С. 175.

⁵ Под стягом России. Сб. архивных документов. М., 1992. С. 124.

тории Российской империи, в целом соблюдавшегося вплоть до 1917 г.: терпимое отношение к католикам при условии их полной политической лояльности⁶.

Гораздо менее толерантной была петровская политика по отношению к нехристианским культам, в первую очередь интересующему нас «магометанскому закону». (Причины негативного восприятия первым русским императором иудаизма и его приверженцев заслуживают отдельного специального исследования; что касается буддизма, то нам, к сожалению, пока не удалось выявить каких-либо решений Петра I по делам «ламайской веры».)

Для лучшего понимания исламской «составляющей» в конфессиональной политике Петра I необходимо вспомнить, как ранее, до него выстраивались отношения российского «магометанства» с династией Романовых. Так, в утвержденной Земским собором 1613 г. грамоте об избрании на русский престол царя Михаила Федоровича стояли подписи семи татарских мурз, от имени мусульман России высказавшихся тем самым за возрождение единого Русского государства⁷.

Политика первых Романовых по отношению к исламу и мусульманам где-то до 70-х гг. XVII в. определялась прежде всего задачами устройства внутренней жизни Московского царства после завершения Смуты. В целях консолидации верного новой династии поместного дворянства (в том числе и мусульман) всему ему были оставлены полученные в «безгосударное время» земли (в том числе и с запретными в принципе для «магометан» православными земледельцами). Соборное уложение 1649 г. сохранило эту установку, но «заморозило» дальнейший рост данного рода земельных владений для мусульман. Особое внимание на Земском соборе 1649 г. было уделено защите прав и привилегий бывших мусульман — «новокрещен». Среди всего перечня средневеково-варварских способов наказаний, упоминаемых в Соборном уложении, крайней беспощадностью выделялась кара для «магометан» за «сращение» каких-либо «православных московских людей» в ислам: «того бурсурмана по сыску казнить, жечь огнем безо всякого милосердия»⁸.

В последние десятилетия XVII в. определенное ужесточение московской внутренней политики по отношению к «магометанству» было в значительной степени обусловлено обострением внешнего «мусульманского» фактора. Оно прежде всего выразилось в почти непрерывных военных конфликтах России с исламскими

⁶ См.: Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г. Указ. соч. С. 147.

⁷ См.: Арапов Д.Ю. Мусульмане и Российское государство // Преподавание истории в школе. 2001. № 4. С. 53.

⁸ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 41.

Турцией и ее вассалом — Крымом (русско-турецкая война 1676—1681 гг., Крымские и Азовские походы). В области идеологии данное явление, в частности, привело к тому, что в конце 70-х гг. XVII в. к исламской тематике обратился выдающийся писатель и публицист Симеон Полоцкий. Видимо, по заказу «сверху» этот воспитатель царя Федора Алексеевича подготовил ряд полемических «словенских» переводов из «противомусульманских» латинских сочинений католических авторов XII—XIII вв. (Винцент из Бове и др.). В данных трудах главной задачей Симеона Полоцкого было разоблачение веры и поступков «Махмета, многи народы безчисленны люди своим лжеучением в погибели низведшего»⁹. В административно-политическом плане ощущавшаяся весьма грозной «мусульманская опасность» привела к решению о ликвидации существовавшего с середины XV в. к югу от Москвы Касимовского царства — вассального мусульманского ханства, где проживали «служилые татары». Во многом данные «антиисламские» действия тех лет были стимулированы последним «великим наступлением» Османской державы на Европу, апогеем которого стала осада турками столицы империи Габсбургов — Вены в 1683 г.¹⁰

Политика «ограничения» ислама, обозначившаяся, таким образом, в царствование Федора Алексеевича (1676—1682), была продолжена его младшим братом Петром I (1682—1725). Действия первого русского императора по отношению к «магометанскому закону» и его последователям при этом часто носили неоднозначный характер. Так, право исповедовать ислам, отправлять его обряды в сочетании с обязанностью верующих «магометан» быть покорными власти и «молиться за Царя» Петр I сохранил, но в своем указе 1707 г. потребовал, «чтобы мечети... от русских церквей были построены в отдалении»¹¹. Петровское правительство всячески поощряло расширение числа мусульман-«новокрещен» (переход в православие знатнейшей «иноверческой» семьи Юсуповых). Особое внимание царя было обращено на снижение размеров мусульманского вотчинного и помещичьего землевладения. По петровскому указу 1713 г. была жестко ограничена возможность мусульман—«служилых татар» владеть крепостными православного вероисповедания. Царь потребовал: если подобные владельцы в Казанской и Азовской губерниях хотели оставить у себя работни-

⁹ Отдел рукописей Государственного Исторического музея (ОР ГИМ). Ф. Синадальное собр. № 289. Симеона Полоцкого беседы и некоторые переводы. Л. 341. См. также: *Арапов Д. Ю.* Переводы Симеона Полоцкого о «законе махметовом» // Славяноведение. 2006. № 2.

¹⁰ См.: *Арапов Д. Ю.* Ислам в Восточной Европе в X—XVII вв.: основные этапы истории // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Ч. I. М., 2005. С. 43.

¹¹ Законодательство Петра I. С. 532.

ков-христиан, то «оные бусурмане магометанского закона» должны были в течение полугода принять православие. При сохранении же ими исламской веры они были обязаны «отписать» своих православных крестьян вместе с их «пашнею и со всеми угодьями на государя»¹². Правда, в 1715 г. последовало царское разъяснение этого указа 1713 г., в котором отмечалось, что сохранившие свою «магометанскую веру... мурзы и татары», отдавшие казне своих православных крестьян, могли по-прежнему жить в «домах своих и земель и всякого угодья и мельниц, которыми владели, кроме крестьянских земель», у них не надо было «отписывать»¹³. Но основная конфискаторская направленность указа 1713 г. была оставлена Петром в силе. Вместе с тем следует подчеркнуть, что указ 1713 г. не коснулся тех вотчинников и помещиков «магометанского закона», которые владели крестьянами-единоверцами, и эти собственники продолжали сохранять все свои владельческие права¹⁴. Петровское правительство постоянно стремилось распространять на мусульманское население страны вновь возникавшие государственные повинности. Так, по императорскому указу 1722 г. рекрутчина затронула наиболее многочисленную часть мусульманской общины России — татар, в среде которых было приказано «брать малолетних... из которых употреблять в денщики»¹⁵. В ряде районов Поволжья мусульмане освобождались от рекрутчины, но за это были причислены к группе государственных крестьян — «лашман» (заготовителей корабельного леса для бурно строящегося русского военного флота).

Особое значение Петр I придавал организации активной «противомусульманской» пропаганды. Именно с этой точки зрения, на наш взгляд, следует оценивать появление первого русского печатного перевода Корана¹⁶. В 1716 г. по личному распоряжению царя был издан подготовленный Петром Постниковым русский текст Священной книги ислама¹⁷. Это был скорее пересказ, чем перевод, сделанный в свою очередь с французского перевода арабского текста Корана, исполненного и изданного дипломатом А. де Рие в Париже в 1649 г. В русской публикации было сохранено и получило особое значение «Предисловие» французского переводчика.

¹² Ислам в Российской империи... С. 42.

¹³ Законодательство Петра I. С. 533.

¹⁴ См.: *Фирсов Н.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869.

¹⁵ Законодательство Петра I. С. 533.

¹⁶ См.: *Резван Е.А.* Коран в России // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 1998. Вып. I. С. 47—58.

¹⁷ Алкоран о Магомете или закон турецкий, переведенный с французского языка на российский. Напечатан повелением Царского Величества в Санкт-петербургской типографии, 1716 Года, В Месяце Декамврии.

В нем де Рие характеризовал Коран как «лживый вымысел» о разговорах Бога с «Магометом» и подчеркивал, что многие толкования в Коране «смеху достойны», а самого «Магомета» можно считать пророком сугубо «нарицательно»¹⁸. Таким образом, первое отечественное издание русского перевода Священной книги мусульман носило не столько познавательный, сколько критический «анти-исламский» характер.

Еще более политически ангажированным событием стало появление труда Дмитрия Кантемира «Книга систима или состояние мухаммеданския религии», вышедшего по личному указанию Петра I в 1722 г.¹⁹ Бывший господарь Молдовы, человек выдающейся европейской учености, Кантемир написал эту работу в 1719 г. полатыни, затем она была переведена на русский язык. Книга считается первым отечественным востоковедным и исламоведческим сочинением. Между тем анализ лишь ее оглавления и предисловия показывает, что она в значительной степени являлась скорее «антимусульманским» памфлетом, чем собственно научным исследованием. Вот названия некоторых разделов «Книги систима»: «О лже-пророке Мухаммеде», «Откровительныя провещения лжепророка Мухаммеда» и др. В своем предисловии Кантемир подчеркивал то, что «мухаммеданския религия и куранов закон» с «самою купно мухаммеданскою империей (т.е. Турцией. — Д.А.) в кратком времени... своим... смертоносным ядом» заразили едва ли не всю Азию, «велию часть» Африки и немалые районы Европы. По мнению Кантемира, данный его труд должен был показать православным читателям, что «в магометанстве злочинства за добродетель и заблуждения за возмездия почитаются и истинное блаженство [видится] в плотских похотях». Данные негативистские оценки наглядно иллюстрировались аллегорической гравюрой А. Зубова, помещенной в начале книги. На ней были представлены три женские фигуры — Азия, Африка и Европа, которые стояли у дерева, символизирующего «магометанский закон», причем корни и ветви дерева изображались в виде ядовитых змей²⁰.

Следует учитывать, что книга Кантемира издавалась в разгар Персидского похода Петра I, в котором России противостояли крупнейшие мусульманские державы того времени — Иран и Турция. Это, естественно, еще более повышало ее актуальность. Все же члены Синода, осуществляя духовную цензуру, ознакомились с текстом данного труда Кантемира и усомнились в верности целого

¹⁸ Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. М.; Л., 1955. С. 199.

¹⁹ Книга систима или состояние мухаммеданския религии. Напечатана повелением Его Величества Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского в типографии Царствующего Санкт-петербурха. Лета 1722, Декабря в 22 день.

²⁰ Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. С. 394.

ряда упомянутых в нем фактов. Они стали запрашивать автора об источниках его сведений об исламе, опасаясь, что в случае публикации неверных свидетельств может «подастся случай жалится и порицати нас [Синод] яко лживых и бесстыдных клеветников». Однако непреклонная воля царя, находившегося тогда на берегах Каспия, преодолела эти колебания и сомнения. 18 июля 1722 г. Петр писал из Астрахани в Синод: книгу Кантемира «не мешкав... велите немедленно напечатать и прислать»²¹. Данное решение царя еще раз отчетливо подтверждает, что его действия в «мусульманском деле» обуславливались прежде всего прагматическими, чисто политическими соображениями. В данном случае существовало острое желание Петра получить пропагандистское оружие в противоборстве с важнейшими центрами главных толков в исламе — суннитской Турцией и шиитским Ираном.

Необходимо отметить, что в личном обиходе Петр I отнюдь не являлся абсолютным исламофобом. Главным для царя всегда была преданность его подданных Отечеству, ему лично и задачам, которые ставил и решал великий преобразователь России. Их вероисповедание при этом особого значения для Петра не имело.

В этом плане наше внимание привлекла фигура мусульманского соратника Петра Великого — Кутлуг-Мухаммеда Тевкелева. Представитель знатной мусульманской дворянской фамилии Европейской России, Тевкелев прожил долгую, полную трудных испытаний жизнь. Он родился в 1085 г. хиджры (1674/1675 г.) и, таким образом, был всего на два-три года моложе Петра Великого, но пережил основателя Российской империи на 41 год. Служба Тевкелева при Петре I протекала в дипломатическом ведомстве России — Посольском приказе, затем в Коллегии иностранных дел. Судя по всему, впервые Тевкелев отличился во время драматических событий Прутского похода 1711 г. Именно тогда Петр смог убедиться в том, что «переводчик ориентальных языков» Тевкелев «человек надежный», который способен поступать решительно и самостоятельно в критической ситуации²².

Через пять лет во время проведения Хивинской экспедиции А. Бековича-Черкасского Тевкелеву было поручено выполнение особого царского задания. В 1716 г. он был послан через Закавказье в Иран с целью обеспечить реализацию царского плана по поиску «путей в Индию»²³. Как известно, судьба Бековича-Черкасского

²¹ Там же. С. 395.

²² См.: *Гилязов И.А.* Помещики Тевкелевы в XVIII — начале XIX в. // *Классы и сословия в период абсолютизма.* Куйбышев, 1989. С. 78.

²³ См.: *Безгин И.Г.* Князя Бековича-Черкасского экспедиция и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к Великому Моголу (1714—1717). СПб., 1891.

и его спутников сложилась трагично: все они были вероломно перебиты во время пребывания в Хиве. Не смог выполнить тогда своего задания и Тевкелев, однако своей стойкостью и преданностью делу он сумел еще более укрепить царское к себе доверие.

Особое значение в своей судьбе Тевкелев придавал участию в Персидском походе 1722—1723 гг., где он являлся уже «старшим ориентальным переводчиком по секретным делам». По словам Тевкелева, в Астрахани он тогда лично получил от Петра I приказ готовиться выполнить важнейшее тайное поручение: «Государь Император Петр Великий изволил иметь желание для всего Отечества Российской Империи полезное намерение в приведении издревле слышимых... Киргиз Кайсацких орд [казахских жузов] в Российское подданство... меня низжайшего к тому намерение имел [послать]... чтоб... протекцыею Российской Империи быть обязались»²⁴. Выдвинутый Петром проект по ряду причин, однако, не был реализован вплоть до кончины царя в 1725 г.

Осуществление доверенного ему петровского замысла стало главной целью последующих трудов Тевкелева на службе Российскому государству. В результате труднейшей дипломатической миссии в казахских степях в 1731—1733 гг. Тевкелев сумел склонить хана Младшего жуза Абул-хайра и ряд старейшин Среднего жуза к признанию ими «точного подданства» в отношении России. В 1755 г. дочь Петра I императрица Елизавета Петровна за заслуги перед государством произвела Кутлуг-Мухаммеда Тевкелева в генерал-майоры, и этот петровский соратник стал первым генералом-мусульманином в истории России²⁵.

Таким образом, можно констатировать, что исламская политика Петра I определялась прежде всего его видением государственных интересов России. Первый русский император был сторонником прагматичного и достаточно жесткого курса в «мусульманском вопросе». Эта линия была в целом продолжена преемниками Петра на русском троне в эпоху дворцовых переворотов. Лишь в царствование Екатерины II, начиная с 70-х гг. XVIII в., отношение имперских властей к мусульманам становится более толерантным, что было в первую очередь обусловлено изменившимися задачами внутренней и внешней политики Российского государства²⁶.

²⁴ Ханьков Я.В. Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об Оренбургском крае и о Киргиз-Кайсацких ордах. 1762 // Временник Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 13, отд. 3. М., 1852. С. 15.

²⁵ См.: Арапов Д.Ю. Первый русский генерал-мусульманин Кутлуг-Мухаммед Тевкелев // Сб. Русского Исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153). С. 36.

²⁶ См.: Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М., 2004. С. 44—49.

Список литературы

1. *Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г.* Мировые религии. М., 1998.
2. *Арапов Д.Ю.* Ислам в Восточной Европе в X—XVII вв.: основные этапы истории // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Ч. I. М., 2005.
3. *Арапов Д.Ю.* Мусульмане и Российское государство // Преподавание истории в школе. 2001. № 4.
4. *Арапов Д.Ю.* Первый русский генерал-мусульманин Кутлуг-Мухаммед Тевкелев // Сб. Русского Исторического общества. Т. 5 (153). М., 2002.
5. *Арапов Д.Ю.* Переводы Симеона Полоцкого о «законе махметовом» // Славяноведение. 2006. № 2.
6. *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М., 2004.
7. *Гаврилов А.В.* Православная церковь на территории Латвии в XVIII — начале XIX в. // Религии мира. История и современность. Ежегодник. 1999. М., 1999.
8. *Гилязов И.А.* Помещики Тевкелевы в XVIII — начале XIX в. // Классы и сословия в период абсолютизма. Куйбышев, 1989.
9. *Резван Е.А.* Коран в России // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. М., 1998. Вып. 1.
10. *Фирсов Н.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869.

Поступила в редакцию
16 марта 2011 г.